

Министерство культуры Российской Федерации
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

ГЛАЗКОВА Татьяна Вацлавовна

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
КАК ПРЕДМЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

(репрезентация феномена семьи
в литературном дискурсе)

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

15 ОКТ 2009

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Москва – 2009

Работа выполнена в отделе Художественных проблем средств массовых коммуникаций ФГНИУ «Государственный институт искусствознания»
Министерства культуры РФ

Научный руководитель:

доктор филологических наук

Сараскина Людмила Ивановна

Официальные оппоненты:

доктор культурологии, профессор

Ремизов Вячеслав Александрович

кандидат философских наук

Харыбин Владимир Борисович

Ведущая организация:

Российский институт культурологии

Защита состоится 12 октября 2009 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 210.004.01 в ФГНИУ «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ по адресу: 125009, Москва, Козицкий переулок, дом 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного института искусствознания.

Автореферат разослан «09» сентября 2009 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,

доктор философских наук, профессор

Евгений Викторович Дуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность избранной темы связана с изменением статуса повседневности в исследованиях последних лет, смещением акцента с фиксации нерелевантных повторяющихся в быту действий человека на осознание и анализ роли сакрального в культуре повседневности. Сегодня такая постановка проблемы тем более важна, что вытеснение постмодернизмом из культуры повседневности сакрального превратило повседневность «в пошлую обыденность»¹.

Мир повседневности в современной культурологии представлен как изначально двойственный, соединяющий «мир практической деятельности, где правит здравый смысл, и фантастический, избыточный мир формул понимания мира»². Подобное отношение к повседневности позволяет говорить не только и не столько о бытовом и «вещном» мире, но прежде всего – о бытийном. Возвращение восприятию повседневности присущих ей целей и ценностей человеческой жизни позволяет опереться при ее изучении на наследие русских философов и писателей XIX в.³.

Повседневность рассматривается как симбиоз профанного и сакрального в пространстве частной жизни человека, где профанное представлено повторяющимися действиями утилитарного и ритуального характера, направленными на поддержание физического здоровья и материального благополучия человека, и составляет область обыденной культуры, а сакральное обеспечивает духовное развитие человека как личности. Профанное представляет область жизнедеятельности человека, регулируемую законами общества в конкретную историческую эпоху и обусловленную традициями и нравственными установлениями. Наличие в структуре повседневности сакрального не по-

¹ Румянцева О.К. Мир повседневности // Теоретическая культурология. М.-Екатеринбург, 2005. С. 369.

² Там же.

³ Среди новейших исследований культуры повседневности, учебных пособий и программ по культурологии выгодно выделяются именно те из них, которые строятся авторами с учетом этого наследия, что позволяет объяснить феномен повседневности во всей его многозначности и противоречивости. В качестве примера подобного отношения к данному предмету можно привести программу Кондакова И.В. «История культуры повседневности России» – для студентов 5 курса факультета культур и искусств РГГУ // <http://histcult.chat.ru/Prog1/progr1.html>

зволяет однозначно трактовать самое понятие повседневности, поскольку сакральное предполагает существование оппозиции «Я – Другой», многомирия и различных культур. Таким образом, в пространстве повседневности сосуществуют быт и бытие. Сфера повседневности должна быть ограничена пространством частной жизни человека, хотя это пространство не замыкается на жилище и семье.

Бытийность человеческого существования, которая выявляется, в первую очередь, во взаимоотношениях людей и выстраивается в семье, относится к числу наиболее острых проблем социальной жизни. При этом семья очень чутко реагирует на общественные изменения, а тенденции общественного влияния на семью носят деформирующий характер. Это сказывается на распределении ролевых функций в семье, на взаимоотношениях мужчины, хозяина и отца, и женщины, хозяйки и матери, в связи с повышением статуса женщины в обществе и культуре; на восприятии детьми авторитета родителей, замещенного в их сознании благодаря влиянию массовой культуры авторитетом коммерческого успеха. Тоталитарное общество предложило детям в качестве замены отца государство с четкой идеологической установкой, что привело к созданию псевдосемьи. Борьба с этим наследством, как будто намевшаяся в первое десятилетие XXI в., диктует необходимость анализа семейных традиций в культуре. В этой связи приобретает особую актуальность проблема изучения семьи как социокультурного феномена и его репрезентации в художественной культуре.

Художественная культура многие годы опирается на реалии повседневности и, в частности, на феномен семьи. Чем глубже пытается писатель постичь человеческий характер и сплетение человеческих взаимоотношений, тем к более обыденным проявлениям он обращается, используя художественный потенциал семейных ситуаций. Роль семьи в художественной культуре и феномен «случайного семейства» нуждаются в осмыслении. В художественной культуре это позволит выявить способы эмоционального воздействия на читателя и зрителя, а в повседневности – утвердить значимость род-

ственных уз для сосуществования людей в современном мире на основе толерантности и преодоления культурного шока.

Обращение в культурологической работе к анализу культурных реалий в литературном произведении представляется оправданным и в связи с междисциплинарным характером исследования. Автор данной работы солидарен с позицией, высказанной В.Л. Рабиновичем на Втором культурологическом конгрессе: «Культурология ориентирована на филологию и из нее произрастает».

Актуальность настоящего исследования обусловлена также необходимостью устранения противоречия между повышением значимости семьи в жизни социума и индивида, с одной стороны, и недостаточной разработанностью концептуальных оснований оптимизации повседневных практик семейных отношений, – с другой.

Степень разработанности проблемы

Проблемы культуры повседневности и семьи как ее основного феномена интересовали философов, историков, социологов, психологов, этнографов культурологов.

Изучением повседневной жизни человека впервые заинтересовалась историческая наука, положив во второй половине XIX в. начало новой ветви знания, занявшейся изучением реалий быта и духовных ценностей человеческого существования одновременно в культуре различных народов и отдельных людей, из которой выросли культурная и социальная антропология. Хотя существует мнение, что первая культурологическая теория была создана немецким философом И.-Г. Гердером. В работе «Идеи к философии истории человечества» Гердер, характеризуя культуры мира, касался не только философии, науки, искусств, но также религии и быта различных народов.

Повседневность не имеет четкой структуры, границ и рамок, не поддается универсальной научной классификации. В разряд научных категорий повседневность удалось перевести благодаря феноменологической теории А.

Шюца и его последователей Г. Гарфинкеля, П. Бергера, Т. Лукмана и др. Иной взгляд на изучение повседневности принадлежит школе «Анналов», к которой в первую очередь относятся такие французские историки, как М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри. Отмечен продуктивный метод «археологического периода» М. Фуко.

Проблемы повседневности изучали философы-прагматисты (У. Джемс), философы-неопозитивисты (Л. Витгенштейн), социологи (М. Вебер, Дж. Мид, А. Шюц, Г. Гарфинкель). В отечественной культурологии эта проблема получила развитие в трудах М.М. Бахтина, Б.Ф. Поршнева, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана.

В современной культурологии весьма распространена точка зрения на повседневность, изложенная Б. Вальденфельсом. Принимая предостережения Н. Элиаса, что нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию и представлять обыденную жизнь в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти, немецкий исследователь выстраивает генеалогию повседневной жизни, где повседневному противопоставлено неповседневное. К повседневному относится все привычное, упорядоченное, близкое; к неповседневному – непривычное, находящееся вне обыденного порядка, далекое. Повседневность есть место образования смысла, открытия правил; достижения повседневности могут существовать только за счет ее преодоления, – таков вывод Б. Вандельфельса. Пограничность существования человека, о которой говорит исследователь, несравнима с ситуацией «на пороге», представленной М.М. Бахтиным в связи с романами Достоевского, но в то же время позволяет выявить повседневное в единственно возможном состоянии – в момент разрушения нормы, изменения порядка. Тогда проявится и структура повседневности и ее границы.

Сходной с Б. Вальденфельсом позиции придерживается Б.В. Марков, сравнивающий влияние повседневности на жизнь человека со статусом травматического события. Большую роль в изучении повседневности сыграли исследования В.Д. Лелеко и Л.В. Беловинского, которые представили эту часть

культуры как разносторонний и глубинный процесс жизни человека, оказывающий определяющее влияние на формирование его личности и межличностные отношения в рамках определенной культурной традиции или ее преодоления.

На формирование взглядов диссертанта оказали влияние работы последних лет, в которых проблемы повседневности рассматриваются в ракурсе разграничения сфер обыденности и повседневности (М.В. Луков), феномена социокультурной коммуникации (В.И. Грачев) и культурной самоидентификации (И.М. Наливайко).

Если говорить об изучении семьи как социокультурного феномена, то специальные исследования в области социологии и культурологии последних лет строятся с опорой на роль женщины в семье под девизом: «Мир женщины – дом, дом мужчины – мир» (В.В. Пономарева и Л.Б. Хорошилова, Н.Н. Пушкарева).

Изучению особенностей малой индивидуальной семьи, традиций, анализу семьи как высшей нравственной ценности посвящены работы представителей русской религиозной философии (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, Вл.С. Соловьев).

Важным представляется указание на византийское влияние, во многом определившее развитие семейных отношений на Руси (С.М. Соловьев), на роль брака в разложении родовых союзов (В.О. Ключевский).

Особую роль для понимания семейной жизни, изображенной в русской литературе XIX в., играет работа Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре», в которой представлена культурно-историческая картина семейных отношений рубежа XVIII–XIX вв. и начала XIX в.

Семейная проблематика и ее влияние на идейную направленность произведения и развитие сюжета рассматривались уже в классической литературной критике (В.Г. Белинский, И.А. Гончаров, А.А. Григорьев, Н.А. Добролюбов Д.И. Писарев и др.). Среди работ исследователей русской литературы советского и постсоветского периодов, анализировавших различные вари-

анты репрезентации семейных отношений, необходимо отметить работы Л.А. Аннинского, С.Г. Бочарова, Г.А. Гуковского, И.П. Золотусского, В.Я. Лакшина, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, К.В. Мочульского, В.С. Непомнящего, Н.Н. Петруниной, А.П. Скафтымова, Н.Н. Старыгиной, А.П. Чудакова и др.

В последнее десятилетие проблемы изображения семейных взаимоотношений рассматриваются на обширном материале: от древнерусских повестей до прозы и поэзии конца XX-го – начала XXI в. (С.М. Климова, Е.А. Краснощекова, И.Б. Павлова, Т.Д. Проскурина, А.Г. Татьяна, Т.К. Черная). В произведениях русской литературы XX – XXI вв. отмечено сближение понятий «семья», «род» и «дом» (М.А. Литовская, К. Непомнящая, А.В. Подчинов, И. Савкина, Т.А. Снегирева, Е.К. Созина).

В литературе о Достоевском тема семьи рассматривалась при анализе сюжета или изучении проблемы прототипа (Н.Ф. Буданова, Ю.Ф. Карякин, Л.И. Сараскина, Г.С. Померанц) и в связи с особенностями воплощения писателем темы «отцов» и «детей» (Г.Я. Галаган). Чаще других работ исследовался «Дневник писателя» (П.Е. Фокин, О.Ю. Юрьева).

В ракурсе семейной проблематики внимание исследователей обращали на себя, прежде всего, «достоевские скандалы», сравнимые со «средневековыми менипсеями» (М.М. Бахтин) и воспринятые как «репетиции грядущих катастроф» (Ю.П. Иваск). При этом подчеркивалось, что все семейные ситуации в романах Достоевского выявляют своеобразно-кроткую полярность героев (М.В. Волоцкой).

Проблемы «случайного семейства» («Подросток») и «семейки» («Братья Карамазовы») сопряжены с трагедией богооставленности человека. Обретение Бога возможно только через преодоление трагедии «веры и неверия» (С.Н. Булгаков). Отсюда основной метод создания семейных ситуаций: реалистический символизм (Вяч. И. Иванов). Большое значение имеет указание на стихийную, хаотичную природу русской жизни, из которой «создается дивный Космос» (Б.П. Выпеславцев). Современные исследователи также об-

наруживают связь между развитием личности и «уровнем соединения человека с Богом» (Х.Л. Флорес).

Необходимо также выделить важность работы с текстом для современных исследований культуры, которая подчеркивается в ряде работ, рассматривающих понятие дискурса (напр., М. Анжено, Р. Барт, Ф. Джэймсон, М. Йоргенсен, Л. Филипс и др.).

Многократное обращение в науке к художественной литературе при анализе такого феномена повседневности, как семья, свидетельствует о значимости заявленной проблемы и вместе с тем создает благоприятные условия для дальнейшего изучения репрезентации семьи в русской культуре XIX в. и культурного феномена «случайного семейства», получившего интерпретацию в романах Ф.М. Достоевского.

Теоретические и методологические основы исследования

Специфика повседневности и феномена семьи диктуют необходимость использования междисциплинарного подхода. При этом основополагающим подходом к исследованию семьи является социокультурный подход, который предполагает понимание общества как единства культуры и социальности, создаваемых и изменяемых деятельностью человека⁴. Методологической базой исследования явилась методология структурализма, рассматривающая культурные явления как тексты и вычитывающая скрытые социальные смыслы в этих текстах, что нашло отражение в трудах Р. Барта и Кл. Леви-Строса.

В процессе исследования были учтены теория ценностей Л.Н. Столовича, философские взгляды Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, В.В. Розанова, С.И. Фуделя; культурологические исследования Ю.М. Лотмана; эстетические взгляды Ф.М. Достоевского; концепция А.Л. Бема, рассматривающая творчество Ф.М. Достоевского в контексте русской литературы XIX в.;

⁴ В этой связи можно указать на мысль, высказанную в исследовании А.Я. Флиера и А.В. Костиной о том, что семья является основной ячейкой социальной активности в традиционной культуре (выключая и трудовую активность), а, следовательно, в этой культуре повседневность составляет фактически все содержание жизни, за исключением праздников, что существенно повышает ее значимость, как социального явления. // <http://base.spbic.org/main/allfiles/>.

идеи Г.Я. Галаган и Г.М. Фридлендера, определившие место в творчестве Ф.М. Достоевского замысла несостоявшегося романа «Отцы и дети» в связи с интересом писателя к культурному феномену, названному им «случайным семейством».

В числе основных методов следует назвать семиотический анализ, метод исторической реконструкции (учитывался опыт Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского). Используются сравнительно-исторический метод для исследования особенностей репрезентации культурного явления в литературном дискурсе; метод типологического анализа для выявления и характеристики культурного феномена «случайного семейства», интерпретация которого представлена в творчестве Ф.М. Достоевского.

Целью диссертационной работы является:

культурологический анализ феномена семьи в ракурсе его интерпретации в русской литературе XIX в., исследование двойственности этого феномена и его влияния на осуществление межкультурной и межпоколенной коммуникации.

В связи с поставленной целью перед автором возникают следующие задачи, требующие своего решения:

- 1) дать анализ основных подходов к интерпретации понятия повседневности;
- 2) рассмотреть варианты типологии семьи и проанализировать сущность этого феномена в православной культуре;
- 3) проанализировать состояние русской семьи в культуре России XIX в., раскрыв понятие «случайное семейство»;
- 4) рассмотреть особенности репрезентации феномена семьи в художественной культуре на примере русской классической литературы XIX в.;
- 5) выявить самобытность интерпретации Ф.М. Достоевским культурного феномена «случайного семейства».

Объект исследования – семья в культуре русского общества XIX в.

Предмет настоящего исследования – репрезентация культурного феномена «случайного семейства» в литературном дискурсе XIX в.

Новизна исследования

Тема репрезентации феномена семьи в русской художественной культуре XIX в. (на примере литературных произведений) не становилась самостоятельным предметом исследования в отечественной культурологии. Это также относится к изучению интерпретации «случайного семейства» в творчестве Ф.М. Достоевского.

В диссертации впервые в традиции изучения феномена семьи:

- семья рассматривается как основной феномен культуры повседневности, благодаря чему уточняются структура и границы повседневности;
- культурный феномен семьи заявлен и исследовательски раскрыт как поле взаимодействия повседневной и художественной культур;
- показаны особенности репрезентации феномена семьи в русской художественной культуре XIX в. на примере литературных произведений;
- изучен феномен «случайного семейства» в романах Ф.М. Достоевского как особый тип семьи в русской культуре XIX в.

Положения, выносимые на защиту:

1. Культура повседневности предстает как сложное, противоречивое явление с неоднозначной структурой и размытыми границами. Исследование ценностно-смыслового содержания культуры повседневности позволяет выделить роль сакрального в формировании личности. Данный подход уточняет границы культуры повседневности, определяя ее пространством приватную жизнь человека в его семейно-родственных отношениях. Таким образом, в пространстве повседневности, с одной стороны, существует постоянное поле напряжения при необходимости преодоления оппозиции «свой – чужой», а с другой стороны, обеспечиваются условия для самоидентификации личности.

2. Семья выступает как социокультурный феномен, призванный способствовать социализации личности и одновременно воспринимаемый отдельным человеком как приватное пространство. Несмотря на фундаментальные

изменения, затронувшие на разных этапах социальный строй, культурные традиции, принципы воспитания, семья позиционируется социумом как непреложная ценность. Логика родства остается востребованной и на уровне практик, и на уровне риторики. Семья отражает состояние общества в определенной культурно-исторической ситуации. В христианской традиции является двойственная природа феномена семьи, выступающей одновременно и как Малая церковь, и как состояние «противоположное идеалу человека» (Ф.М. Достоевский).

3. Семья выступает как поле взаимодействия культур (повседневной и специализированной, субкультуры и культуры традиционной). Через профессиональную и интеллектуальную деятельность членов семьи реализуются специализированные формы культуры. Своей многозначностью, позволяющей через быт прозревать бытие, семья привлекает художественную культуру.

4. Репрезентация феномена семьи является одной из ведущих черт русского литературного процесса XIX в. и позволяет рассматривать этот феномен на различных стадиях его существования в культуре. Изображение семьи, как правило, связано с поиском «болевых точек», деформаций, которым она подвергается в процессе своего функционирования в культуре.

5. Ф.М. Достоевский реализовал опыт своих предшественников в изображении русского семейства, позволивший писателю создать самобытное представление о состоянии этого феномена в культуре русского общества. Интерпретация феномена «случайного семейства» в творчестве Ф.М. Достоевского представляет особое мнение писателя о причинах бед современного ему русского семейства. В отличие от сложившейся традиции изучения семьи как мира женщины, хозяйки и матери, анализ «случайного семейства» позволяет увидеть роль в семье мужчины, хозяина и, что особенно важно для Достоевского, отца, на котором лежит бремя ответственности за передачу ценностей от поколения к поколению и сохранение семьи в ее культурном предназначении.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость работы состоит в том, что на примере культурологического анализа литературного текста продемонстрированы возможности и методы реконструкции скрытых в нем социальных смыслов.

Материалы диссертации могут быть использованы

- в профессиональных образовательных программах в рамках учебных курсов «культурология», «языки культуры», «филологический анализ ключевых концептов культуры и его культурологическое значение», «язык и культура», «культурологическая интерпретация литературного процесса», «проблемы культурологии как междисциплинарной науки», «культура повседневности России XIX в.», «история семьи как социокультурного феномена»;

- при подготовке авторских курсов «Культурный феномен семьи и его репрезентация в русской литературе XIX века (от Пушкина до Чехова)», «"Случайное семейство" и романное искусство Ф.М. Достоевского».

Апробация результатов работы

Результаты исследования нашли отражение в одиннадцати публикациях.

Апробация результатов проводилась на Международных научных чтениях «Достоевский и мировая культура» (при Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского в г. Санкт-Петербурге, 1996, 2005), «Достоевский и современность» (при Доме-музее Ф.М. Достоевского в г. Старая Русса, 2005, 2006); на научно-практической конференции «Наука и педагогика в учебном процессе» (МГИМ им. А.Г. Шнитке, Москва, 2003); на международной научно-практической конференции «Современный учитель и музыкальное искусство на рубеже XXI века: проблемы, поиски, перспективы» (Орехово-Зуево, 2003); на международной конференции «Русская литература и православие» (Москва, 14–16 октября 2004); на Собрании и научно-практическом семинаре Российского культурологического общества «Инновационный потенциал культурологии и ее функция в системе гуманитарного знания» (Санкт-Петербург, 7–8 апреля 2008); научно-практической конференции «Культурология: Фундаментальные основания прикладных исследований» (Москва,

15–16 мая 2008); Втором Российском культурологическом конгрессе «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» (Санкт-Петербург, 25–29 ноября 2008).

Материалы работы внедрены в учебный процесс Высшей школы культурологии Московского государственного университета культуры и искусства.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав (шести параграфов), заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обосновывается актуальность исследования, рассматривается степень разработанности проблемы, ставятся цели и задачи исследования, определяются его объект и предмет, методологические и методические основы работы, положения, выносимые на защиту, научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации результатов и сообщается структура диссертации.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ, «**Семья как феномен повседневности**», предпринята попытка обобщить существующие в отечественной науке взгляды на культуру повседневности, семья выделена как основное пространство реализации ее функций.

В параграфе 1.1. *Повседневность: понятие, структура, границы* дается обзор основных исследований проблематики повседневности, которые были предприняты отечественными культурологами. Множественность определений повседневности обусловлена сложностью самого феномена повседневности и междисциплинарным интересом к нему.

Определение «живой культуры» как вечного противоречия «между опытом “отцов” и новыми актуальными необходимостями “детей”», данное в работе А.Я. Флиера⁵, позволяет определить исследовательское поле культуры повседневности. Это взаимоотношения людей, в которых продолжают,

⁵ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. 2-я редакция, испр. и доп. / Электронный ресурс // <http://hischool.ru/publ-f.html/>

создаются, изменяются или преодолеваются традиции, сложившиеся предшествующими поколениями.

В этом случае нельзя ограничивать существование повседневности смертью индивида (в философии – от М. Хайдеггера, у современных исследователей – например, В.Д. Лелеко, Е.Н. Шапинская), поскольку, если даже биологическая жизнь человека продолжается в его потомках, то культура, им созданная или приумноженная, также живет благодаря наследникам.

Через феномен семьи в культуре повседневности проявляются, формируются и претерпевают различные изменения в межпоколенческом общении традиции и связанные с ними ценности человеческого бытия. При этом основной акцент делается на духовную составляющую повседневности (не отрицая присутствия и роли в ней материального). Сиюминутность (здесь-и-сейчас) повседневности преодолевается в культуре тем, что протяженность существования той или иной традиции, идеи или вещи, в создании которой принимал участие человек, не ограничивается рамками его земного бытия, а оказывает влияние на последующие поколения, тем самым продлевая жизнь своего создателя. Что же касается повторяемости одних и тех же действий и событий (имеется в виду повседневная событийность), то труд «и день, и ночь», относится, как известно, к обязанностям души. Пренебрежение подобной работой неизбежно ведет к деформациям в общении людей, оказывает влияние на формирование личности «детей», усугубляя их конфликт с «отцами». Тогда на первый план выходит материальная культура с ее требованиями бытового комфорта. Нарушается необходимый баланс, что ведет к девальвации ценностей, протестному поведению и социальным потрясениям.

Параграф 1.2. Семья как социокультурный феномен предлагает анализ семьи с позиций ее существования в христианской культуре.

Обращение к семье обосновывается ее важностью для формирования социокультурного пространства личности и общества. Находясь в рамках определенной национальной традиции и предполагая обусловленный ею набор

обычаев и функций, семья реализуется в повседневности не только ими, но и многочисленными граями человеческих взаимоотношений. Кроме того, семья участвует и в специализированных формах культуры, представленных профессиональной и интеллектуальной деятельностью ее членов.

В связи с анализом семьи и сопряженных с нею проявлений как основных ценностей жизни и смысла существования человека делается акцент на «самостоятельном бытийном статусе»⁶ повседневности, впервые в русской культуре утвержденного В.В. Розановым. В работе рассматривается бытование семьи в христианской традиции, где существует взгляд на семью как на Малую Церковь, «высочайшую святыню» и ненормальное для человека состояние одновременно. В то же время семья оказывается инструментом воздействия на человеческую личность со стороны государства, и необходимость семьи трактуется как неизбежное общественное зло, противостоящее свободе человека в его духовно-эмоциональной сфере.

Типы семей различаются: по доминанте, по степени ответственности, по качеству, по составу, по социальному статусу, по уровню жизни, по взаимоотношениям, по характеру связи, по характеру случайности.

Взаимоотношения в семье анализируются через межпоколенные связи, с позиций понимания родителями степени ответственности за своих детей и восприятия детьми культурной традиции «отцов».

В параграфе 1.3. *Семья в тексте культуры: литературный дискурс как часть социального дискурса* рассматриваются возможности и правомерность изучения социального явления с помощью литературного текста.

По меткому выражению Н.Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь»⁷. Существовая в трех разновидностях – устной и письменной и мысленной, – дискурс позволяет исследовать социальное явление и его репрезентацию в литературе с различных позиций. Так, в литературном дискурсе важную роль играет его коммуникативный характер. Хотя, по словам

⁶ *Наливайко И.М.* Повседневность и проблема культурной самоидентификации. (Границы культуры и культура границ) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М., 2005. С. 233.

⁷ *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Р. Барта, «стоит отметить довольно загадочный факт: в литературном дискурсе очень редко встречаются знаки “читателя” – можно даже считать его специфической чертой, что это (на первый взгляд) дискурс без “ты”, хотя в реальности вся его структура предполагает читающего “субъекта”»⁸.

Существование дискурса в формах нарратива и аргументации позволяет исследователям рассмотреть ряд проблем, относящихся к области интерпретации текста⁹: проблему чтения; проблему интерпретации; проблему мимесиса и репрезентации; проблему знака в литературном дискурсе; проблему единства произведения. Исследование социального отношения в тексте происходит на двух уровнях анализа: тематическом и текстологически-структурном, – что делает возможным вывод о том, что литература является частью социального дискурса. При этом акцентируется роль литературы как проводника социальных стратегий.

Важным качеством литературного дискурса представляется то, что «взаимоотношения между структурами социума и литературно-дискурсивными структурами позволяют выявить, каким образом некоторые типы текстов через различные конфигурации на нарративных уровнях способны подражать, отражать, отказываться и даже спорить с социально-нормативными моделями и способами передачи культурных ценностей»¹⁰. Данное положение было высказано в связи с дискурсом любви, однако, вполне справедливо и по отношению к другим дискурсивным практикам, в частности к репрезентации феномена семьи в литературном дискурсе, материальным воплощением которого можно считать текст.

Изучение особенностей дискурса позволяет утверждать, что литературный дискурс – это часть социального дискурса, поэтому литературный текст (он же – текст культуры) может быть материалом для анализа социального явления, представленного в нем.

⁸ Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 430.

⁹ Данный проблемный ряд выстроен по работе Е.Н. Шатиной «Дискурс любви». С. 118–139

¹⁰ Шатинская Е.Н. Указ. работа. М., 1997. С 113.

Во ВТОРОЙ ГЛАВЕ, «Культурный феномен «случайного семейства» в литературном дискурсе», исследуется феномен, во всей полноте раскрытый в вербальных текстах культуры XIX в. и особенно в творчестве Ф.М. Достоевского, давшего ему название и описавшего его особенности.

В параграфе 2.1. *Репрезентация феномена семьи в вербальных текстах культуры XIX в.* представлены интерпретации состояния русского семейства в произведениях русских писателей XIX в.

В истории художественной культуры XIX-й век выступил апологетом повседневности. Семейный сюжет под пером русских писателей развернулся в масштабную картину жизни русского общества и вместе с тем позволил во всей глубине, разносторонности и противоречивости увидеть отдельного человека. Как справедливо указывает современный исследователь художественной культуры В.И. Грачев, художественное произведение «содержит в себе не столько знание, сколько ценности, концентрирующиеся вокруг определенных идеалов»¹¹.

Анализ роли семейной проблематики в русской литературе позволяет выявить, что в описаниях семейных хроник она составляла и главную идею произведения; в семейно-психологическом романе определяла жанровую разновидность и природу конфликта; в социально-философском и социально-психологическом романах выполняла роль двигателя интриги; в романе идеологическом семья оказалась мерилom человеческой состоятельности героев.

В русской классической литературе нашли отражение различные взгляды на семью: как на нечто устоявшееся и неизблемое (И.А. Гончаров. «Обломов»); как на пространство взаимоотношений поколений и спора различных идеологий (И.С. Тургенев. «Отцы и дети»); как на реалию, пришедшую к краху (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы»); как на ценность, интерпретируемую в рамках семантического поля «счастливая – несчастливая

¹¹ Грачев В.И. Феномен социокультурной коммуникации в современной художественной культуре (информационно-аксиологический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. Сиб., 2008. С. 11.

семья» (Л.Н. Толстой. «Война и мир». «Анна Каренина»); как на форму, лишенную своего смыслового и ценностного наполнения (А.П. Чехов. Рассказы, пьесы).

Параграф 2.2. Понятие «случайное семейство» как отражение состояния русской семьи 2-й половины XIX в. представляет описание сущности феномена, характеризующего состояние российского общества в конкретный культурно-исторический период его развития.

Ф.М. Достоевский сумел выявить в культуре и представить в своем творчестве современную ему русскую семью как «случайное семейство». Хотя сам писатель нигде не использует слово «повседневность» для определения своих художественных интересов, мир его произведений составляют многочисленные ее проявления. Ф.М. Достоевский называл себя писателем, «одержимым тоской по текущему»¹² (13; 455). Причем, это «текущее» рассматривалось Ф.М. Достоевским как многомерная, противоречивая действительность, «в которой предстояло ...слишком много угадывать» (13; 455).

В своей публицистике Ф.М. Достоевский рассматривает «исконную русскую идеологию семьи»¹³ в контексте таких понятий, как основательность, благочестие, «попечительная родительская любовь к детям», забота не только о материальном, но и нравственном, душевном благополучии своего чада. В «благочестивом семействе» на основе христианских идеалов формируется истинная национальная личность. Другой полюс в «семейной классификации» Ф.М. Достоевского — «случайное семейство». Анализ, который проводит писатель, позволяет сделать вывод, что особую важность проблемы семьи приобретают в эпохи, когда «переходное и разлагающееся состояние общества порождает леность и апатию», когда «очень немногие» «могут ясно видеть перед собою и не сбиваться с дороги» (25; 180), а главное — научить этому своих детей.

¹² Цитаты из произведений Ф.М. Достоевского даются по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30-ти тт. Л, 1972-1990. — в скобках указывается том и страница по этому изданию.

¹³ *Владимирцев В.П.* Поэтика «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: Этнографическое впечатление и авторская мысль. Иркутск, 1998. С. 33.

Ф.М. Достоевский объяснял «случайность» русского семейства ситуацией беспочвенности, в которой оно находится. Для писателя проблема состоит не в том, что дети отрицают путь отцов, а в том, что отцам нечего предложить детям.

Параграф 2.3. Текст как культурный артефакт: интерпретация драмы «случайного семейства» в художественном творчестве Ф.М. Достоевского анализирует причины и следствия отпадения человека от Бога и отрицания ценности семейных отношений, исследованные писателем.

В художественном творчестве писатель воплотил «двойственность» отношения к понятию семьи, свойственную христианской культуре. На первых же страницах романа «Преступление и наказание» история семьи составляет главный предмет переживаний героя и участвует в создании его психологического портрета, давая направление развитию основной сюжетной линии. Через «семейные ситуации» писатель показывает невыносимость существования человека в одиночестве. С другой стороны, феномен «случайного семейства» объясняет сознательное отдаление героя от других людей. Для Раскольникова, правда, эта мотивировка характерна в меньшей степени, потому что именно семья дает Раскольникову шанс восстановления.

В романе «Идиот» данная проблема помещена в контекст традиции литературы Дома и литературы Бездомья¹⁴. Причем, понятия эти имеют как конкретно-топонимическое, так и философское наполнение. Бездомный Мышкин, ищущий в незнакомой ему родной стране родственные души, представляет традицию литературы Дома, возможно, именно потому, что ему не довелось прочувствовать тепла семейного очага. И, понимая великую духовно-нравственную силу родственных связей, он научился воспринимать весь мир как Дом, а понятие Дома и связанных с ним реалий родства людей расширяется до масштабов всего мира. Миссия Мышкина в романе, которая

¹⁴ Понятия «литература Дома» и «литература Бездомья» введены в научный оборот писателем Ф.А. Искандером.

мыслится писателем как миссия каждого человека в этом мире, разбивается о философию Бездомья, рожденную в недрах семейных взаимоотношений.

Финал «Идиота», где сообщается о резких переменах в жизни Епанчиных, о разрыве семейства с Аглаей и обстоятельствах, этому сопутствовавших, готовит читателя к восприятию следующего романа, – «Бесы» предскажут страшные последствия для нации все углубляющегося конфликта «отцов» и «детей» на многие годы вперед.

Проблема «случайного семейства» в романе «Бесы» показана на фоне предпринимаемых героями страдальческих и уродливых попыток изменить жизнь страны и свою собственную. Корни «бесовства», лежащие в беспочвенности российской действительности, произрастают в том числе и из «случайности» русского семейства.

В 1875 году Ф.М. Достоевский создал роман «Подросток», где, по его словам, предпринял «первую пробу» осуществить давний замысел об «отцах и детях». Общая идея произведения содержалась уже в ранних набросках: «Главное: во всем идея разложения, ибо все врозь и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. Даже дети врозь» (17; 259).

Проблема поколений в сознании Ф.М. Достоевского в 1860-е – начале 1870-х годов эволюционировала: «1) благообразие и несостоятельность отцов (лучшие представители дворянства) и неблагообразие детей (при их великом сердце – интерпретация Тургенева); 2) несостоятельность отцов и безобразие детей – «Бесы»; 3) «неблагообразие» отцов (тоже лучшие представители дворянства, но беспокойные и тоскующие носители «великой идеи») и «неблагообразие» детей – «Подросток»» (17; 281–282).

В романах Ф.М. Достоевского выведены типы «кровных отцов» и «отцов-воспитателей» (есть и образы, объединяющие оба этих типа, – Семен Мармеладов из «Преступления и наказания», Степан Трофимович Верховенский из «Бесов»). В «Подростке» впервые дается оппозиция «кровный отец»

– «отец-воспитатель», выраженная образами Версилова и Макара Долгорукого, которые влияют на развитие и становление личности главного героя.

Погружая героев романа в семейно-бытовую атмосферу повседневности, Ф.М. Достоевский меньше всего интересуется бытописанием. Семья рассматривается им не как форма организации жизни людей, но как категория нравственная, дающая («благочестивое семейство») или отнимающая («случайное семейство») опору для осуществления единственно важной, по мнению писателя, идеи – бессмертия души человеческой. В черновых набросках к роману «Братья Карамазовы» роль семьи в осуществлении этой идеи определяется устами Старца: «Бог дал родных, чтоб учиться на них любви» (15; 205).

Карамазовы продолжают галерею «случайных семейств» в художественном мире Ф.М. Достоевского. «Случайное семейство», деградируя, превращается в «семейку», если никто из его членов не осознает необходимости что-то изменить в себе. Кровь Федора Павловича Карамазова течет в жилах четверых братьев и лежит на совести каждого из них.

Но именно в «Братьях Карамазовых», единственном из всего «пятникнижия»¹⁵, семейству «случайному», ставшему семейкой, противопоставлено семейство благочестивое – Снегиревы. Ф.М. Достоевскому важно, что Снегиревы, нищие и немощные, оказываются духовно неизмеримо выше Карамазовых, в этом семействе все освящено взаимной любовью. В образе этого семейства писатель воплощает свою излюбленную мысль о нравственном совершенствовании через страдание.

Ситуация отцеубийства обусловила идейно-философский план романа, связанный с вечными вопросами бытия. Через бытовые ситуации, через взаимоотношения людей, связанных узами родства, отрицающих возможность всеобщей любви или научающихся ей, Достоевский вскрывал бытийную суть существования человека на земле.

¹⁵ «Пятникнижем» в литературе о творчестве Ф.М. Достоевского принято называть пять романов писателя: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

В ЗАКЛЮЧЕНИИ кратко излагаются основные результаты исследования, намечаются наиболее перспективные, с точки зрения автора, пути разработки его проблематики в дальнейшем.

Повседневность раскрывается в симбиозе профанного и сакрального, где сакральное реализуется через культурные ценности в жизни человека. Семья выступает как основной феномен повседневности. Христианская традиция, рассматривающая семью одновременно как Малую Церковь и как несвойственное, по словам Ф.М. Достоевского, предназначению человека состояние, позволяет выявить ее ценностные характеристики и «болевы́е точки». XIX век в русской литературе явился апологией повседневности. Репрезентация семьи русскими писателями выявила различные трактовки этого феномена, что подчеркнуло его многообразие и неоднозначность бытования в культуре.

Особый взгляд на этот феномен представил в своем творчестве Ф.М. Достоевский, впервые определив и охарактеризовав современное ему состояние русского семейства как «случайное». «Случайность» эта в интерпретации писателя оказалась значимой и знаковой не только для самого феномена семьи, но и для развития общества, повлияв на многочисленные деформации в социокультурном развитии страны и предопределив катастрофичность развития истории.

Таким образом, рассмотрены особенности репрезентации феномена семьи в русской литературе XIX в., исследована двойственность этого феномена в христианской традиции, отмечено его влияние на осуществление межкультурной и межпоколенной коммуникации.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

В издании, включенном в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий в Российской Федерации:

1. Глазкова Т.В. Феномен «случайного семейства» и его интерпретация в творчестве Ф.М.Достоевского // Вопросы культурологии. – 2008. – № 6. – С. 47–49. – 0,3 а. л.;

2. Глазкова Т.В. Грушенька [Образ Грушеньки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»] // Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. С. 107. – 0,1 а. л.;

3. Глазкова Т.В. Дмитрий Карамазов [Образ Дмитрия Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»] // Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. С. 125–126. – 0,25 а. л.;

4. Глазкова Т.В. Иван Карамазов [Образ Ивана Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»] // Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. С. 164–166. – 0,3 а. л.;

5. Глазкова Т.В. Зосима [Образ старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»] // Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. С. 160–161. – 0,25 а. л.;

6. Глазкова Т.В. Смердяков [Образ Смердякова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»] // Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. С. 377. – 0,1 а. л.;

7. Глазкова Т.В. Федор Павлович [Образ Федора Павловича Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»] // Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997. С. 427. – 0,1 а. л.;

8. Глазкова Т.В. Взаимосвязь восприятия и анализа учащимися произведения художественной литературы: проблема педагогического вмешательства (на материале изучения «семейных ситуаций» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // Наука и педагогика в учебном процессе:

Тезисы научно-практической конференции, 4–5 марта 2003. – М.: МГИМ им. А.Г. Шнитке, 2003. С. 17. – 0,1 а. л.;

9. *Глазкова Т.В.* Роль «семейных ситуаций» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: к проблеме мотивации при обучении анализу художественного произведения // Современный учитель и музыкальное искусство на рубеже XXI века: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции, 15–16 декабря 2003. Музыкальное искусство. Вып. 1. – Орехово-Зуево: МГОПИ, 2003. С. 143–149. – 0,5 а. л.;

10. *Глазкова Т.В.* О двойственной природе семейных ситуаций в творчестве Ф.М. Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. – Великий Новгород, 2006. С. 120–125. – 0,5 а. л.;

11. *Глазкова Т.В.* Автор и его герой: еще об оценке ценностей // Достоевский и мировая культура. – 2007. – № 22. – С. 253–255. – 0,3 а. л.;

12. *Глазкова Т.В.* Культурно-исторический аспект изучения литературы: «случайное семейство» как феномен культуры // Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе гуманитарного знания. Материалы Второго собрания Российского культурологического общества и научно-практического семинара, 7–8 апреля 2008 г. – СПб., 2008. С. 294–299. – 0,5 а. л.;

13. *Глазкова Т.В.* «Случайное семейство»: повседневность как предмет художественной культуры // Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Тезисы докладов. – Второй Российский культурологический конгресс, Санкт-Петербург, 25–29 ноября 2008 г. – СПб., 2008. С. 162. – 0,1 а. л.

Всего: 3,1 а. л.

Глазкова Татьяна Вацлавовна

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Подписано в печать 02.09.2009 г. Формат 60x90, 1/16.
Объем 1.75 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1407

Отпечатано в ООО "Фирма Блок"
107140, г. Москва, ул. Краснопрудная, вл.13. т. (499) 264-30-73
www.firmablok.ru
Изготовление брошюр, авторефератов, печать и переплет диссертаций.